
МУЗЕЙ

Смолина Н.А.

«У МЕНЯ НЕ ХВАТИЛО МУЖЕСТВА ВОЗВРАТИТЬСЯ В ГОЛОДАЮЩИЙ ПЕТРОГРАД...»: НИЖЕГОРОДСКИЕ ГОДЫ ЛАЗАРЯ ВЛАДИМИРОВИЧА РОЗЕНТАЛЯ (1919–1922)

Смолина, Надежда Алексеевна — кандидат исторических наук, заместитель декана по научной и творческой работе Высшей школы искусств и дизайна ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород, cucula86@mail.ru.

Статья посвящена нижегородскому периоду деятельности российского (советского) искусствоведа и педагога Л.В. Розенталя в качестве заведующего Нижегородским народным художественным музеем (1919–1922). Раскрываются не изученные ранее подробности бытового уклада жизни сотрудников художественного музея в тот период, взаимоотношения в коллективе, различные направления деятельности, связанные с вывозом национализированных сокровищ из дворянских и помещичьих усадеб, созданием новой экспозиции, просветительской работой, экспертизой исторических и художественных ценностей. Делается вывод о получении Розенталем в Нижнем Новгороде первичных профессиональных навыков и возникновении интереса к тем сферам музейного дела, которые получают развитие в его дальнейшем творчестве.

Ключевые слова: Нижний Новгород, Л.В. Розенталь, Нижегородский художественный музей, Музей живописной культуры, Государственные свободные художественные мастерские.

«I DID NOT HAVE THE COURAGE TO RETURN TO STARVING PETROGRAD...»: THE NIZHNY NOVGOROD YEARS OF LAZAR VLADIMIROVICH ROSENTHAL (1919–1922)

Smolina, Nadezhda Alekseevna — Candidate of Historical Sciences Deputy Dean, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, N. Novgorod, Russian Federation, cucula86@mail.ru.

The article is devoted to the Nizhny Novgorod period of activity of the Russian (Soviet) art historian and teacher L.V. Rosenthal as the head of the Nizhny Novgorod People's Art Museum (1919–1922). The article reveals the details of the everyday life of the staff of the art museum at that time, relationships in the team, various activities related to the removal of nationalized treasures from the noble and manor estates, the creation of new expositions, educational work, examination of historical and artistic treasures, which have not been studied before. It is concluded that Rosenthal received primary professional skills in Nizhny Novgorod and developed an interest in those spheres of museum work that would be developed in his further work.

Key words: Nizhny Novgorod, L.V. Rosenthal, Nizhny Novgorod Art Museum, museum of pictorial culture, state free art workshops.

Несколько лет своей жизни известный российский (советский) искусствовед, педагог, музейный деятель Лазарь Владимирович Розенталь (1894—1990) провел в г. Нижнем Новгороде в должности заведующего художественным музеем. Здесь он получил первый опыт музейной работы, навыки экскурсовода и лектора, принял участие в становлении просветительской работы в губернии, эвакуации художественных ценностей из национализированных усадеб.

Заведующим Нижегородским художественным музеем Л.В. Розенталь был назначен в августе 1919 г. Не сдавший государственных экзаменов и ограничившийся получением выпускного свидетельства, как он сам о себе писал, 25-летний студент историко-филологического факультета Петроградского университета, у которого за душой были «лишь занятия по истории искусств на историко-филологическом факультете»¹, волею судеб оказался тогда в Нижнем Новгороде (здесь жили родственники его супруги) и все лето восстанавливал здоровье после перенесенного «сыпняка». «У меня не хватило мужества возвратиться в голодающий Петроград, — вспоминал Розенталь, — и я согласился руководить музеем, чем и занимался в течение трех лет до сентября 1922 года»². В эти годы он проживал в двух комнатах особняка, до революции принадлежавшего купцам Рукавишниковым, с потрясающим видом на Волгу.

6 августа губернский отдел народного образования (губоно) известил его о назначении и вызвал «для получения дальнейших указаний и принятия заведования художественным музеем в самом непродолжительном времени»³. Для обустройства на новом месте губоно просил у губпродукта выдать «6 стаканов, 4 кастрюли, 1 чугунок, 2 сковороды, 1 молочник заведующему художественным музеем Л.В. Розенталь, прибывшему из Петрограда и крайне нуждающемуся в приобретении хозяйственных вещей»⁴.

В следующие три года он делил с домом и с музеем тяготы голодных военных лет, холод отделанных мрамором стен, плохо приспособленных как для жилья, так и для музейной экспозиции, требующих ремонта и большого количества топлива: «Я рвался очистить музей от скверны наполнявшей его безвкусицы и переделать всю экспозицию. А надо было прежде всего, вопреки ослепительности все еще жаркого солнца, ломать голову над тем, как бы раздобыть дров на зиму»⁵.

Накануне событий Октября 1917 г. Нижегородский художественный и исторический музей размещался в двух зданиях: исторические коллекции находились в Дмитровской башне кремля, художественные — в Доме Дворянского собрания на ул. Б. Покровской.

19 февраля 1918 г. началось перемещение художественного музея в новое здание — национализированный особняк Рукавишниковых на Верхне-Волжской наб.⁶, исторические коллекции с 1 октября заняли особняк сестры Рукавишниковых В.М. Бурмистровой на ул. Жуковской. Для организации художественного музея была создана художественная комиссия, в которую вошли сыновья строителя и хозяина дома Иван и Митрофан Рукавишниковы, сын писателя и этнографа П.И. Мельникова-Печерского Андрей Павлович,

¹ Галай Ю.Г. Первые шаги Нижегородского художественного музея // Нижегородский музей. 2008. № 15. С. 6.

² Там же.

³ Центральный архив Нижегородской области (Далее — ЦАНО). Ф. Р-120. Оп. 15. Д. 17. Л. 188.

⁴ Там же. Л. 215.

⁵ Розенталь Л.В. Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М., 2010. С. 132.

⁶ Ныне здание Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ), филиал Усадьба Рукавишниковых.

сын фотографа А.О. Карелина Рафаил Андреевич, бессменный хранитель музея с 1896 г. Петр Иванович Крылов.

Создававшийся на основе дореволюционных и вновь поступающих коллекций художественный музей получил название «народный» и открылся 21 июля 1918 г. в нескольких комнатах особняка Рукавишниковых, не занятых жильцами. Заведовать им стал Митрофан Рукавишников. В первый год музей посещало ежедневно около 100 человек. Состав посетителей качественно изменился: большинство экскурсантов отныне составляли рабочие с местных заводов, красноармейцы, учащиеся местных и иногородних школ, детдомовцы.

Особенно остро в переходный период ощущались бытовые и финансовые трудности: значительные затраты на охрану и отопление, ремонт электропроводки, перевозка предметов, оплата телефона, приспособление жилых комнат под музейные залы, обустройство быта сотрудников. Вскоре обострились политические противоречия, и братья Рукавишниковы летом 1919 г. навсегда покинули родной Нижний Новгород, уехав в Москву. На короткое время заведовать художественным музеем взялся архитектор В.А. Волошинов, у которого Розенталя в итоге с воодушевлением принимал дела: «Мной руководил энтузиазм, — вспоминал он. — Музей был в состоянии полного развала. Он бездействовал. Для посетителей был закрыт. Всего в нем осталось три сотрудника...»⁷.

На долю нового заведующего выпало самое трудное, но и самое «вкусное» в работе музейных сотрудников того периода: все, что было связано с вывозом, приемом и размещением в музее художественных сокровищ из национализированных усадеб, формирование новой экспозиции, активная просветительная работа. Уже в 1919 г. в музей поступили коллекции живописи, скульптуры, гобеленов, фарфора, мебели из имений Шереметевых, Орлова-Давыдова, Абамелек-Лазаревых, Пашковых, Жомини и др. В воспоминаниях Розенталя и в архивных материалах сохранилось несколько ярких эпизодов, характеризующих его работу по заведению художественным музеем.

Одним из первых его впечатлений была встреча с участниками Волжской экспедиции Комиссии по сохранению и раскрытию древней живописи во главе с И.Э. Грабарем, с которыми, в частности, обсуждался проект организации Дворца искусств в Нижнем Новгороде. Волжская экспедиция проходила с 12 августа по 19 сентября 1919 г.: на специально выделенном пароходе «Коломна» участники экспедиции вышли из Москвы по шлюзам в Оку, затем в Волгу, до Казани, а оттуда обратно до Москвы. В ходе экспедиции были осмотрены Рязань, Богословский монастырь под Рязанью, Спасск, Касимов, Гороховец, Муром, Нижний Новгород, Казань, Свияжск, Болгары и на обратном пути — Чебоксары, Козьмодемьянск и некоторые другие пункты. В состав экспедиции входили: Т.Г. Трапезников, И.В. Рыльский, Г.О. Чириков, Н.Н. Померанцев, И.Э. Грабарь и А.И. Анисимов, архитекторы Н.К. Жуков, И.Е. Бондаренко и С.А. Дитинов⁸.

В Нижний Новгород участники экспедиции прибыли 23 августа и, по воспоминаниям Розенталя: «первым делом все инкорпоре ввалились в местный художественный музей»⁹. Молодого заведующего они впечатлили: «Сколько их было? Человек двадцать, двадцать пять, а может быть, тридцать. Точно не помню. Во всяком случае, их было много. Всем надо было пожать руку. Прodelали это в спешке, молча. Представляться друг другу было некогда... Хорошо запомнил лишь двоих. Они заметно выделялись

⁷ Розенталя Л.В. Непримечательные достоверности. С. 275.

⁸ Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 70.

⁹ Розенталя Л.В. Непримечательные достоверности. С. 131.

среди прочих. Это были, так сказать, генералы. Один — попредставительнее, внимателен к другим, любезен, наружность выхолненного барина. Другой — ростом поменьше, нескладный, маленькие ножки, но необычайно подвижный, энергии хоть отбавляй. Первый — это Бондаренко, знаток московской архитектуры... Второй же — как будто ожившая карикатура, рисованная Серовым, сам Игорь Грабарь!»¹⁰

Гости поспешили ознакомиться с музеем: «Они тотчас же рассеялись по большому залу. Кое-кто уже заглядывал в следующие комнаты. Всем, видимо, хотелось хоть немножко познакомиться с достаточно нелепой экспозицией. А еще больше — полюбоваться из окон великолепным видом на притихшую и мелеющую Волгу, на заволжские дали. Но не тут-то было. Грабарь оказался не только генералом, но и настоящим полководцем. Не прошло и четверти часа, как полководец дал команду оторваться от картин и окон и начать заседание»¹¹.

От нижегородцев в заседании участвовали зав. губоно А.И. Таганов, зав. внешкольным подотделом губоно Е.Н. Ванеева, зав. художественным подотделом А.Н. Дурново, представитель инициативной группы Дворца искусств архитектор В.А. Волошинов и зав. художественным музеем Л.В. Розенталь. Относительно вопроса об организации в Нижнем Новгороде Дворца искусств собравшиеся пришли к выводу, что его открытие является несвоевременным и нецелесообразным ввиду отсутствия соответствующих сил и «неминуемого параллелизма» в работе с отделом образования¹².

Присутствие в залах музея И.Э. Грабаря было, помимо прочего, прекрасной возможностью получить профессиональную консультацию относительно новой художественной экспозиции и атрибуции вещей. Однако Игорь Эммануилович, как вспоминал Л.В. Розенталь, не стал вникать глубоко в нижегородские музейные проблемы: «...Грабарь ограничился лишь общим наставлением следовать в экспозиции строго исторической последовательности. На незаметно в темном углу приютившийся портрет Екатерины он указал как на работу Фальконе-сына. А в весьма интересовавшем меня романтическом портрете молодого человека в ботфортах с желтыми отворотами, изображенного сидящим на фоне пейзажа, заподозрил всего лишь произведение немецкого живописца... И, увы, никаких Рокотовых, Левицких, Боровиковских, Кипренских он не обнаружил»¹³.

Любопытно упоминание Розенталя о том, что ему пришлось сопровождать Грабаря по городу, где он хотел посетить местного коллекционера. Этот эпизод характеризует некоторые явления нижегородской художественной жизни того периода: «Мы шли долго по всяким Ковалихам¹⁴, Ошарам¹⁵, по оврагам, ставшим улицами, и пустырям. Нас оведал унылый, напоенный зноем и пылью ветер нижегородского полудня... В маленькой удручающе мещанской квартирке нас ожидали едва ли не с самого утра. Но сразу же стало ясно, что столь долгий и трудный путь мы проделали напрасно. С хозяином дома, Владимиром Платоновичем Павинским, хитрецом-чинушей и не то коллекционером, не то скупщиком старья, мне пришлось затем иметь дело. Меня, юного заведующего музеем, он старался, то лебезя, то едва ли не угрожая, “охмурить”; он опасался, что по чьему-либо доносу государство сочтет нужным реквизировать собранные им сокровища. Но

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 132.

¹² ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 3. Д. 6. Л. 20.

¹³ *Розенталь Л.В.* Непримечательные достоверности. С. 133.

¹⁴ Улица Ковалихинская в Нижнем Новгороде.

¹⁵ Улица Ошарская в Нижнем Новгороде.

Грабать к этим сокровищам отнесся сдержанно. Он сразу же и непреклонно отвергал предлагаемые их жадно-восторженным владельцем атрибуции. Снова — никаких Левицких, Кипренских, Брюлловых»¹⁶.

Художественное наследие Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии, с которым ему пришлось столкнуться, навсегда остались в памяти Л.В. Розенталя. Он несколько раз лично ездил осматривать коллекции в усадьбе Шереметевых в с. Юрино¹⁷, отмечая богатство увиденного и нехватку собственных познаний для определения ценности вещей: «Парадные комнаты были битком набиты всевозможными художественными произведениями. И подлинными, и весьма сомнительного качества. Поди разберись в них! ...Итальянская майолика, испано-мавританские блюда, камин, украшенный вывезенными из Помпеев скульптурами, всяческие ковры, ткани, что я понимал во всем этом? Может быть и барахло, может быть и настоящее?»¹⁸

Интересен пассаж о принятом им за подлинник Эль Греко портрете испанца из коллекции Шереметевых, который он перевозил из Юрино в Нижний Новгород на пароходе своими силами из-за того, что портрет не поместился в общую коробку: «Эль Греко мы особенно тщательно завернули в холстину и старательно перевязали веревками... Вместе со мной уехали два представителя комсомола... Полночи мы прождали парохода на пристани. Комсомольцы были славные ребята. Они помогали сторожить мою драгоценную кладь... Особенно тревожно было на пароходе. Тут уж я совсем не отходил от тюка с портретом»¹⁹. Розенталь очень долго жил с ощущением обретения настоящего шедевра. Впоследствии портрет был отправлен из Нижнего Новгорода в фонды ГМИИ им. А.С. Пушкина, а в позднесоветские годы выведен специалистами из наследия Эль Греко.

Уже в 1919 г. началось документальное оформление предметов, поступавших из особняков местной аристократии, в фонды музея. Занималась этим делом хранитель фондов Анна Евдокимовна Ильина. Л.В. Розенталь сложно сживался со своим фондовиком. Красноречиво об этом свидетельствует опубликованное им в воспоминаниях «неотправленное письмо» А.Е. Ильиной, написанное спустя тридцать лет после происшедших событий.

В начале письма он нелицеприятно отзывался о ее внешности: «Лицо бесцветное, с желтинкой, старомодный пучок на голове, одета с тошнотворной скромностью и опрятностью. Вы предстали передо мной как некий анахронизм, среди катаклической неустроенности двухлетней Советской республики, героически отбивавшейся от напастей голода и Гражданской войны. Вся в себе, все для себя; ошеренность как будто бы и беспомощного, а все же неплохо защищающегося тупого существа»²⁰. О совместной работе тоже ничего хорошего в его памяти не осталось. Он вспоминал ее постоянные отлучки в хлопотах о пайке, который музейным сотрудникам был не положен, решение семейных проблем в рабочее время, отсутствие товарищеской поддержки неопытного руководителя: «Но все-таки, все-таки... хоть немножко, хоть в благодарность за предоставленную Вам комнату при музее и за право числиться трудящейся, можно было бы мне помочь? Но нет, Вы сразу же поняли, что я жизни не знаю и администрировать не умею. Были

¹⁶ *Розенталь Л.В.* Непримечательные достоверности. С. 134.

¹⁷ Ныне Республика Марий Эл.

¹⁸ *Розенталь Л.В.* Непримечательные достоверности. С. 134.

¹⁹ Там же. С. 180.

²⁰ Там же. С. 276.

благовоспитанны, вежливы и ничего не делали. Два раза в неделю, как это было заведено еще до меня, уходили на весь день. Музей мог бы гореть, но, если бы пламя не угрожало Вашей комнате, Вы все равно бы ушли»²¹.

Оказался Л.В. Розенталь свидетелем становления в Нижнем Новгороде Свободных государственных художественных мастерских (НГСХМ), организуемых в ходе масштабной реформы художественного образования в стране. НГСХМ разместились на 3 этаже усадьбы Рукавишниковых, поэтому вынуждены были сосуществовать с художественным музеем в одном здании. Это неминуемо вело к «заглядыванию на чужую кухню», к обсуждению общих задач и указанию на ошибки друг друга. Так, уже в конце 1919 г. в музейный отдел Главпрофобра (главное управление профессионального образования) поступило письмо мастеров и подмастерьев НГСХМ с критикой в адрес Нижегородского художественного музея. В письме говорилось о том, что музей «из 220 экспонатов обладает лишь двумя десятками картин, представляющих художественную ценность и несколькими предметами старинной роскоши... Остальные же работы принадлежат кисти мастеров неизвестных школ и сомнительного качества... Кроме того, в музее имеется еще ряд вещей, ученически беспомощных по исполнению и попавших по недоразумению на стены музея. Из всего вышеизложенного явствует, что худ. музей в том виде, в каком он существует, не только не может служить к развитию и поднятию художественного уровня потребителя, но является учреждением мертвым и никому не нужным... Мы надеемся, что музейный отдел поможет зав. музеем Л.В. Розенталь разобраться в тех задачах и целях, которые ставит современный момент художественным музеям и что не громадное количество экспонатов, пригодных лишь для украшения буржуазных салонов должно заполнять стены музеев»²².

По этому поводу состоялось заседание коллегии отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса с приглашением Л.В. Розенталя. Он рассказал о состоянии музея, где была произведена «новая развеска», проводились экскурсии для рабочих и красноармейцев. В итоге было постановлено считать заявление учеников «недостаточно обоснованным»²³.

В годы работы заведующим Нижегородским художественным музеем отметился Л.В. Розенталь и на административном поприще губернского уровня. В 1921 г. он числился заведующим просветительным подотделом губмузея, читал лекции и вел беседы по живописи и скульптуре в рабочих аудиториях фабричных сел Канавина и Сормова, курсы по искусствоведению для учащихся различных учебных заведений. В марте 1921 г. в большом зале музея состоялась его лекция для широкой публики на тему «Изображение труда в мировом искусстве» с демонстрацией диапозитивов.

На губернском съезде заведующих уездными политпросветами, состоявшемся 31 января—2 февраля 1921 г. в Нижнем Новгороде, Л.В. Розенталь выступил с докладом «Изобразительные искусства в народной аудитории», в котором говорил о необходимости организации экскурсионного дела в губернии и агитации за посещение музеев, а также создания в уездах музеев и галерей современной живописи. По докладу Л.В. Розенталя вынесли следующую резолюцию: ознакомление аудитории с изобразительным искусством должно осуществляться путем планомерной организации музеев, экскурсий, выставок и лекций; губернский музей должен ставить себе целью эстетическое

²¹ Там же.

²² ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 38. Л. 11.

²³ Там же. Л. 13.

воспитание, для чего при нем должны существовать аудитории для лекций с демонстрацией картин, устраиваться периодические выставки, готовиться кадры лекторов и руководителей экскурсий; должны быть приняты срочные меры по широкому оповещению городского и уездного рабоче-крестьянского населения о существовании музея путем расклейки плакатов, афиш и т.д.; подотделу искусств губоно надлежало приступить к широкой организации экскурсионного дела, устроить передвижную художественную выставку, а также подыскать подходящее помещение для устройства в Нижнем Новгороде музея современной живописной культуры (МЖК).

Действительно, в задачи отдела изобразительного искусства Наркомпроса с 1918 г. входило снабжение провинциальных музеев произведениями «новой» живописи для создания сети МЖК. В первую очередь это касалось городов, где уже были созданы ГСХМ. В начале 1920 г. через уполномоченного (руководителя) НГСХМ, художника В.Ф. Франкетти²⁴ в Нижний Новгород были переданы 42 произведения современной живописи для создания МЖК. Это были картины Малевича, Кандинского, Родченко, Ларионова, Гончаровой, Розановой, Кончаловского, Машкова, Фалька и др.

Официальных документов о создании самостоятельного МЖК в Нижнем Новгороде не найдено, прослеживаются лишь поиски помещения. Однако в неоднократно цитируемых нами мемуарах Л.В. Розенталя упоминается, что МЖК «открылся в помещении городской управы на Большой Покровке, вызвал нападки кое-кого из губисполкома... просуществовал недолго»²⁵ и уже осенью 1921 г. волился в собрание художественного музея, составив основу коллекции русского авангарда современного Нижегородского государственного художественного музея. Эти сведения дают исследователям основание утверждать, что в Нижнем Новгороде, в одном из немногих городов страны (кроме Москвы и Петрограда-Ленинграда их открытие подтверждается только в Костроме и, возможно, Екатеринбург), был создан МЖК²⁶.

Соглашаясь с А.Д. Сарабьяновым в отношении факта существования (пусть и недолго) в Нижнем Новгороде МЖК, сначала как выставки, а потом в составе художественного музея, нельзя принять в качестве подтверждения его слова о том, что заведующим Нижегородским художественным музеем в то время был «искусствовед Лазарь Розенталь, человек широких познаний и интересов»²⁷. На тот момент он не мог еще быть назван искусствоведом в полном смысле слова и тем более не обладал разносторонними познаниями в этой сфере, чтобы наперед прозреть значение произведений современной живописи. Скорее, он уловил тогда именно методический потенциал подобных коллекций в деле широкого эстетического просвещения и воспитания населения в духе революционной патетики. Да и с НГСХМ во главе с В.Ф. Франкетти Розенталь, судя по документам и воспоминаниям, общался если не «на ножах», то во всяком случае весьма отстраненно.

В последний год пребывания на нижегородской земле Л.В. Розенталь принимал участие в комиссии по изъятию церковных ценностей. В его задачи входила экспертиза художественной и исторической ценности изымаемых предметов с целью не допустить

²⁴ Владимир Феликсович Франкетти (1887–1969)—художник, педагог, теоретик искусства. Сотрудник Литературно-художественного подотдела отдела Изо Наркомпроса, член Коллегии отдела Изо Наркомпроса, преподаватель Государственных художественных мастерских в Москве, уполномоченный Нижегородских государственных свободных художественных мастерских (1919–1921 гг.).

²⁵ Галай Ю.Г. Первые шаги. С. 7.

²⁶ Сарабьянов А.Д. Русский авангард. И не только. М., 2024. С. 74.

²⁷ Там же.

изъятия и порчи вещей музейного характера. Однако на месте он и другие приглашенные специалисты столкнулись с неисполнением директив и инструкций Главмузея об участии экспертов в отборе предметов: «В то же время изъятие ценностей из церквей производится <...> без нашего участия, вследствие чего изымаются предметы несомненно ликвидации не подлежащие, лишь подвергающиеся возможности быть поврежденными при перевозке и не имеющие сколько-нибудь значительной материальной ценности, а также нарушаются ансамбли внутреннего убранства»²⁸, в их упаковке и транспортировке: «При этом предметы музейного значения не отделяются, а вместе с прочими упаковываются, что зачастую не гарантирует их от поломки и порчи»²⁹.

Осенью 1922 г. Л.В. Розенталь переехал в Москву, где вначале работал при экскурсионной секции отдела народного образования, а через несколько лет стал сотрудником Третьяковской галереи. Здесь он вплотную займется изучением музейного зрителя, подготовит путеводитель по залам галереи. Вся последующая его профессиональная деятельность в таких крупнейших музеях, как музей-усадьба Кусково, Государственный Эрмитаж и др. оказалась связана с проблематикой экскурсионного дела, искусствоведением, различными формами работы музеев художественного профиля с посетителями.

В 1976 г. сотрудник Горьковского художественного музея М.П. Званцев, накануне 80-летия музея, обратился к Розенталью с просьбой написать воспоминания о годах его работы на посту заведующего. В тексте, подготовленном Розенталем, сквозит откровенная неприязнь к некоторым фигурам того периода — В.Ф. Франкетти, которого он называет исключительно «Франкетом» и обвиняет в злоупотреблениях и развале мастерских: «Апломба у Франкетти было много, но как он справился с преподаванием, не представляю. Знаю, что позже его ученики выражали недовольство. И к тому же с заметным привкусом враждебности...»³⁰; в том, что восстановил против него жившего тогда в Нижнем Новгороде художника А.И. Куприна, который «так намучился, подпав под власть развязного выскочки, что всю жизнь даже имени “Франкета” слышать не мог»³¹, резкие высказывания в адрес руководителей музейного дела на уровне губернии. Вероятно, здесь сказывалась общая тенденция тех лет нелюбезно отзываться о приверженцах авангардного искусства и их деятельности на периферии, в том числе по организации ГСХМ и МЖК. Да и преклонный возраст писавшего, особенности человеческой памяти тоже нельзя исключать. Тем не менее его воспоминания приоткрывают мало изученную ранее страницу истории нижегородского музейного дела, а архивные материалы способны значительно дополнить биографию известного искусствоведа.

Список литературы

Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.: Индрик, 2006. 412 с.

Галай Ю.Г. Первые шаги Нижегородского художественного музея // Нижегородский музей. 2008. № 15. С. 4–11.

Розенталь Л.В. Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 816 с.

Сарабьянов А.Д. Русский авангард. И не только. М.: АСТ, 2024. 304 с.

²⁸ ЦАНО. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 40. Л. 41.

²⁹ Там же.

³⁰ *Галай Ю.Г.* Первые шаги. С. 7.

³¹ Там же.

References

Vzdornov, G.I. *Restavraciya i nauka. Ocherki po istorii otkrytiya i izucheniya drevnerusskoj zhivopisi* [Restoration and science. Essays on the history of the discovery and study of ancient Russian painting]. Moscow: Indrik, 2006. 412 p. (in Rus.).

Galaj, Yu.G. Pervye shagi Nizhegorodskogo hudozhestvennogo muzeya [The first steps of the Nizhny Novgorod Art Museum], in *Nizhegorodskij muzej*. 2008. Vol. 15. P. 4–11. (in Rus.).

Rozental', L.V. *Neprimechatel'nye dostovernosti. Svidetel'skie pokazaniya lyubitelya stihov nachala XX veka* [Unremarkable authenticity. Witness testimony of lover of poetry of beginning of the 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 816 p. (in Rus.).

Sarab'yanov, A.D. *Russkij avangard. I ne tol'ko* [Russian avant-garde. And not only]. Moscow: AST, 2024. 304 p. (in Rus.).